

О ДАТИРОВКЕ ПОЛОЦКОЙ ПЕЧАТИ ВСЕВОЛОДА ЯРОСЛАВИЧА

Найденный в Полоцке в 1978 г. во время архитектурно-археологических исследований Софийского собора моливдовул Всеволода Ярославича (рис. 1)¹ популярно описан В. А. Булкиным [1] и позднее упомянут в [2, с. 509, 528]. Автором отмечено отличие полоцкой находки от известных по корпусу [3] печатей этого князя. Однако, датировка её дана в весьма широких пределах: 1058-1078 гг. [1, с. 20], что заглушало информационную ценность буллы как атрибута государственной власти и политики. Данное обстоятельство и введение в научный оборот еще двух разновидностей печати Всеволода Ярославича [4, 5] позволяют вернуться к вопросу более точной датировки полоцкой находки, а тем самым и более корректной её привязки к конкретным событиям во взаимоотношениях Полоцка и Киева 60-х — 70-х годов XI века.

Главным отличием полоцкой печати Андрея-Всеволода от известных по Корпусу и последующим публикациям [3, 4, 5] является тет-беш² её сторон, встречающийся на печатях периода Киевской Руси (см., например, [7, рис.]), видимо, как исключение³. Следовательно, уместно предположить, что рассматриваемая печать была оттиснута либо неизвестной парой матриц, либо комбинацией их из известных (соседних?) пар, образуя промежуточный вариант. Проведённое сравнение полоцкого экземпляра с известными показало следующее. По особенностям легенды — пять строк и величина кружка около 30 мм — полоцкая печать резко отличается от печати Всеволода из собраний Думбартон-Окс с семистрочной надписью и величиной кружка 35 мм [4, с. 66]. По признакам пятистрочной легенды (во второй строке семь, а в последней шесть букв) и изображения апостола Андрея (длинные волосы и борода, правая рука в благословляющем жесте, в левой руке посох с крестом) полоцкая печать существенно отличается от черниговской печати Всеволода⁴, у которой во второй строке легенды восемь, а в последней — пять букв, а апостол изображен более молодым, положение правой руки неясное, а посох в левой руке отсутствует (рис. 2, 3). Что касается сравнения с вариантами печати из Корпуса, то по особенностям написания заключённой в жемчужный ободок (23-24 мм) легенды (широкое “В” первой строки, конечная омега второй строки перенесена в начало третьей и несколько уменьшена по сравнению с другими буквами этой строки; конечное “С” четвертой строки ещё не потеряно, а перенесено в начало последней пятой, и её конечное “О”, как и омега в третьей строке, несколько уменьшено в размерах и приподнято в промежутке между буквами “Т” и “О” четвертой строки) полоцкий образец наиболее близок печати № 18 (рис. 2, 5). В печатях №№ 20-22, как известно, сигма четвертой строки утрачена [3, с. 15], а в № 21 и № 22, кроме того, в последней строке утрачены дополнительно две и одна буквы соответственно (рис. 2, 7-9), следовательно, буллы №№ 20-22 можно считать младше полоцкой. Несмотря на то, что булла № 19, как и № 18, также содержит сигму в конце четвертой строки, а не в начале

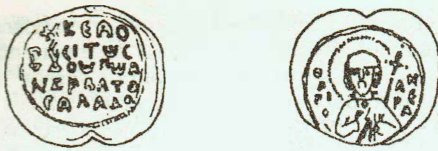

Рис. 1. Печать Всеволода Ярославича из Полоцка.

Рис. 2. Печати Всеволода Ярославича с пятистрочной легендой: 1, 2 — печати № 15 и 16 Корпуса; 3 — черниговская печать; 4—9 — печати № 17—№ 22 Корпуса

Корпуса

пятой (как у полоцкой печати), она все-таки сочтена младше полоцкой, так как имеет по две ошибочные буквы в третьей и в начале последней (пятой) строке (рис. 2, 6). Следовательно, по особенностям аверса полоцкая печать оттиснута неизвестной матрицей и, вероятнее всего, может быть помещена между печатями № 18 и № 19 Корпуса. Более же высокое, чем на печати № 18, качество изображения букв на полоцкой печати свидетельствует о большем профессионализме резчика матрицы полоцкой буллы, а также о возможном знакомстве его с греческим языком.

По особенностям изображения фигуры и одежды св. Андрея Первозванного, креста в жемчужном обрамлении, точечных нимба и ободка (23-24 мм), колончатой надписи слева и двухколончатой надписи змейкой справа полоцкий образец наиболее близок печати № 19 Корпуса (рис. 2, 6), которой, вероятнее всего, и предшествует. Следует заметить, что в пользу этого вывода свидетельствуют и большие искажения на печатях №№ 20-22, также имеющих двухколончатые надписи справа от фигуры святого (рис. 2, 7—9).

Таким образом, по совокупности отличий аверса и реверса и с учетом профессионализма резчика матрицы полоцкий вариант печати младше печати № 18 Корпуса, но старше печати № 19 и оттиснут неизвестной ранее парой матриц. Уточненное по сравнению с [1] размещение полоцкой печати в ряду известных по [3, 5] экземпляров позволяет уточнить и её датировку.

Комплекс печатей Андрея-Всеволода от восьми матриц с пятистрочной легендой [3, с. 168-170] В. Л. Яниным датирован в пределах 1054 — 1088 годов [4, с. 66]. К этому периоду относятся как полоцкая [1, с. 20], так и черниговская [5, с. 246] печати Всеволода Ярославича. С учётом этого можно определить теоретический срок службы одной матрицы, который равен примерно трем с половиной годам ($1088-1054 = 34$ года: 10 матриц $\approx 3,5$ года). Теоретический срок службы одной матрицы, в свою очередь, позволяет определить теоретический временной интервал использования матрицы полоцкой печати, являющейся, как показано выше, шестой в комплекте, который приходится на середину 1071 года — конец 1074 года ($5 \times 3,5 = 17,5$; $7 \times 3,5 = 21$ год). Установленный выше приведенным приемом теоретический временной интервал использования матрицы полоцкой печати служит заслуживающим доверия индикатором фактической даты её применения. Последняя определена с помощью нижеприведенной таблицы, из которой вытекает, что такой датой, очевидно, является первая половина 1077 года.

В пользу названной даты говорят факты того периода: с весны 1069 по весну 1073 гг. на великом княжении был Изяслав Ярославич, а в Полоцке княжеский стол переходил "из рук в руки" — изгнание Всеслава Брячиславича (после оставления им Киевского стола) Изяславом Ярославичем, вокняжение и скорая смерть по неизвестным причинам старшего сына последнего — Мстислава, мимолетное пребывание в Полоцке Всеслава Брячиславича, вокняжение следующего сына Изяслава — Святополка II, изгнание его Всеславом Брячиславичем и окончательное вокняжение последнего. ● очевидно, что в рассмотренный отрезок времени особых причин для появления в Полоцке документа с печатью Всеволода Ярославича, бывшего в то время младшим в триумvirате, не было. Вероятнее всего, не было их и в период с весны 1073 г. по январь 1077 г., когда великим князем был умерший 27.12.1076 г. Святослав

Ярославич, а Всеволод Ярославич по-прежнему оставался младшим, правда уже в дуумвирате, а о существенных событиях в Полоцке в летописных источниках сообщений нет. Первая же половина 1077 года отмечена двумя чрезвычайными политическими событиями: коварный властолюбец [8, с. 107] Всеволод Ярославич, более двадцати лет бывший в "младших", по стечению обстоятельств и внутридинастических интриг временно оказался на великом княжеском столе, а Святослава Ярославича погребли не как великого князя в Киеве, а всего лишь как удельного — в принадлежавшем в 1076-1078 гг. Всеволоду Ярославичу [3, с. 168] Чернигове. Последнее официально демонстрировало всей Киевской Руси (включая и мнимо обособившееся Полоцкое княжество) новую норму княжеского права (автором которой, как известно, был Всеволод Ярославич): Святослав Ярославич, равно как полоцкие Рюриковичи — Брянислав Изяславич и Всеслав Бряниславич, не являлся законным великим князем. И неудивительно, что именно в этот период началась цепь серьезных междоусобных действий Всеволода и его сына Владимира против Всеслава: в ответ на поход Всеслава на принадлежавший Глебу Святославичу Новгород⁵ Мономах поспешил на помощь Глебу [9, с. 14], затем объединенные дружины Всеволода Ярославича и его сына Владимира напали на Полоцк. По мнению Ю. А. Зайца оно произошло до возвращения Изяслава Ярославича на великое княжение [8, с. 108]. За сожжение Всеславом принадлежавшего Владимиру Мономаху Смоленска [2, с. 170] зимой 1077/78 г. последовало совместное с половцами нападение Владимира Мономаха и Святополка Изяславича на Полоцк и разорение Мономахом Лукомля, Логойска и Друцка, после чего наступил внешне спокойный шестилетний период отношений между Киевом и Полоцком⁶.

Номер матриц	Теоретическое время пользования матрицей	Великое княжение в Киеве	
		годы	великий князь
15	1054 - серед. 1057 гг.	1054 — 1068	Изяслав Ярославич
16	1057, сер. - 1060 гг.	1068, ос - 1069, в	Всеслав Бряниславич
Ч	1061 - серед. 1064 гг.		
17	1064, сер. - 1067 гг.	1069, в - 1073, в	Изяслав Ярославич (втор. раз)
18	1068 - серед. 1071 гг.	1073, в - 1076	Святослав Ярославич, возможно, соправитель
II	1071, сер. - 1074 гг.		
19	1075 - сер. 1078 гг.		Всеволод Ярославич [8, с. 108]
20	1078, сер. - 1081 гг.	1077, пер. пол.	Всеволод Ярославич
21	1082 — сер. 1085 гг.	1077, вг. пол. - 1078	Изяслав Ярославич (тр. раз)
22	1085, сер. — 1088 гг.	1078 - 1088	Всеволод Ярославич

Из рассмотренных событий 1069-1078 годов вытекает, что первая половина 1077 года явилась кульминационной во взаимоотношениях Киева и Полоцка, обусловленных в первую очередь не борьбой за большую

самостоятельность Полоцка⁷ от Киевского великого князя [11, с. 49], а внутридинастической борьбой Всеслава и Всеволода за отстаивание старых и новых прав на великокняжеский стол и через них на само великое княжение. И если учесть, что к 1077 году мужская часть дома Рюриковичей включала в себя (не считая князей-изгоев) Всеслава Брячиславича с шестью сыновьями, Изяслава Ярославича с двумя сыновьями, Всеволода Ярославича с двумя сыновьями и пять сыновей Святослава Ярославича с разной степенью прав на великий стол и тем самым являлась объективным источником внутридинастического соперничества, то крайняя необходимость введения нормы наследования великокняжеского стола, отличной от “лествичного права”, вполне очевидна. Но также очевидно и то, что предложенная и отстаиваемая Всеволодом норма княжеского права была изначально порочной, т.к., не решая радикальным образом генеалогического аспекта противоречий наследования великокняжеской власти, она превращала одного из могущественнейших и знатнейших князей Киевской Руси — Всеслава Брячиславича, из законного первоочередного претендента в великие князи во второразрядного князя и тем самым являлась субъективным источником как внутридинастического соперничества, так и последующего выхода Полоцкого княжества из состава Киевской Руси.

Таким образом, на основании вышеизложенного, полоцкая печать Всеволода Ярославича относится, вероятнее всего, к первой половине 1077 года, к моменту наиболее острого соперничества Всеволода Ярославича и Всеслава Брячиславича за великий киевский стол в условиях взрыва “генеалогической бомбы” в династии Рюриковичей, приведшего, в конечном итоге, не только к распаду дома Рюриковичей на враждующие группировки с естественным затем вырождением многих из них, но и к многовековой раздробленности остальной части Киевской Руси.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Прорисовка печати выполнена Н. К. Седуновой (Феодориди) с музейной копии Полоцкого историко-культурного заповедника, изготовленной художником В. И. Галебо.

² Тет-беш [tet-beche] — валетом [6]. Следует отметить, что, во-первых, в [1] взаимное расположение сторон указано неверно, а в [2] изображения аверса и реверса полоцкой печати размещены на разных страницах — 506 и 528 соответственно; во-вторых, тет-беш сторон, возможно, не несет скрытой символической нагрузки, а является лишь технической особенностью оттиска.

³ Если взаимное расположение аверса и реверса печати в статье приведено верно, то и пинскую печать следует отнести к редким среди и без того редких печатей XI века.

⁴ Здесь и далее принято во внимание лишь авторское размещение черниговской буллы (между № 16 и № 17 [5, с. 245]) в ряду известных по Корпусу печатей Всеволода, датировка же её (1076-1078 гг. [там же, с. 246]) неубедительна.

⁵ Видимо, точнее — в Новгородскую землю, на помощь води, против которой воевал Глеб и в борьбе с которой он и погиб несколько позднее [10, с. 139].

⁶ Опустошение Минска в 1085 г., в отличие от неубедительных воззрений М. И. Ермоловича [10, с. 141-143], Э. М. Загорульским совершенно справедливо связано с внутридинастической борьбой Рюриковичей [9, с. 14-18], по на другом её этапе.

⁷ В. Л. Носевич вдумчиво ответил, что “гэты сепаратызм не трэба перабольшваць” [12, с. 12].

ЛИТЕРАТУРА

1. Булкін В. А. Кіеўская пячатка ў Полацку // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі, 1979. № 4, с. 19—20.
2. *Археалогія і нумізматыка Беларусі: Энцыкл.* / Беларус. Энцыкл.: Рэдкал.: В. В. Гетаў і інш. — Мн.: БелЭН, 1993. — 702 с.: Іл.
3. Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв. В двух томах. Том I. Печати X — начала XIII в. М.: Наука, 1970. — С. 15—16, 168—170, 250—251.
4. Янин В. Л. К вопросу о хронологии печатей Всеволода Ярославича // Сообщения Государственного Эрмитажа. Том XL. Л.: Аврора, 1975. — С. 64—66.
5. Коваленко В. П. Новый вариант печати великого князя Всеволода Ярославича // Советская археология, 1982, № 4, с. 245—246.
6. Ганишина К. А. Французско-русский словарь: 51000 слов. — 8-е изд., стереотип. — М.: Русский язык, 1979. — С. 830.
7. Міралюбаў Б. В. Пінская віслая пячатка // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі, 1975. № 4, с. 40—41.
8. Заяц Ю. А. Полоцкий князь Всеслав и Ярославичи в 1065—1066 гг.: от Пскова до Белгорода // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 4. Сярэднявечча. Мн.: Ін-т гіст. АН Беларусі, 1994. — С. 88—113.
9. Загорюльский Э. М. Возникновение Минска. — Мн.: Изд-во БГУ, 1982. — 358 с.: ил.
10. Ермаловіч М. І. Старажытная Беларусь: Полацкі і Навагародскі перыяды. — Мн.: Маст. літ., 1990. — 366 с.: Іл.
11. Александров Д. Н., Мельников С. А., Алексеев С. В. Очерки по истории княжеской власти и сопровительства на Руси в IX—XV вв. — М.: Мосты, 1995. — 114 с.
12. Насевіч В. Л. Пячаткі Вялікага княства Літоўскага: Падзеі і асобы. — М.: Польша. 1993. — 160 с.: Іл.